

УДК 392.14(470.53)

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-218-229

СЕВЕРНОПЕРМСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОГО КРАЯ XIX — НАЧАЛА XX в.

© **Запольских Евгения Владимировна**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Россия, г. Пермь

zapolskih.ev@mail.ru

Статья посвящена описанию и анализу севернопермской традиции имянаречения у старообрядцев Пермского края XIX — начала XX в., которые основаны на исследовании именника старообрядцев Чердынского и северной части Соликамского уездов. Материалом исследования выступили старообрядческие имена из метрических книг XIX — начала XX в. по указанным уездам, которые велись православной церковью и самими старообрядцами. Описан старообрядческий обряд имянаречения у разных согласий пермского севера, выявлен строгий календарный метод выбора имен по старообрядческому месяцеслову, приведен старообрядческий именник с делением на группы частых и редких имен среди мужчин и женщин, проанализированы причины частотности имен. Также приведено сравнение антропонимии и традиций имянаречения севернопермских старообрядцев и старообрядцев других мест проживания.

Ключевые слова: старообрядцы, традиция имянаречения, именник, святцы, метрические книги, Пермский север, Чердынский уезд, Соликамский уезд

NORTHERN PERM NAME-GIVING TRADITION AMONG THE OLD BELIEVERS OF PERM KRAI IN XIX-EARLY XX CENTURIES

Evgeniya V. Zapolskih

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Perm, Russia

zapolskih.ev@mail.ru

The paper is devoted to the description and analysis of the Northern Perm name-giving tradition among the Old Believers of the Perm Krai in the 19th-early 20th centuries, based on the research of the Old Believers' anthroponymicon in Cherdynsky Uyezd (county) and in the northern part of Solikamsky Uyezd. The research material was the Old Believers' names from the metric books of the 19th-early 20th centuries in the indicated counties, which were led by the Orthodox Church and by the Old Believers themselves. The Old Believers' name-giving ritual in the different Old Believers' denominations of the Perm North is described, a strict calendar method of choosing names according to the Old Believers' Menologium is revealed, the Old Believers' anthroponymicon with division into groups of frequent and rare names among men and women is given, the reasons for the frequency of names are analyzed. It also provides the comparison of anthroponymy and name-giving traditions of the Northern Perm Old Believers and Old Believers residing in other territories.

Keywords: Old Believers, name-giving tradition, anthroponymicon, Menologium, metric books, Perm North, Cherdynsky Uyezd, Solikamsky Uyezd

Изучение традиции имянаречения как одного из направлений антропонимики обращено к способам имянаречения и сопутствующим им ритуалам, принципам выбора имени, а также к используемому именнику. Сводный анализ основных

исследований XIX—нач. XXI в. на тему выбора имени и крещения в средневековой Руси дан в работе Л. П. Горюшкиной [2017], которая указывает, в частности, на древность календарного метода выбора имени. Вопрос о традиции имянаречения у старообрядцев раскрывается в той или иной мере в ряде работ, основанных как на этнографических исследованиях [Бломквист, Гринкова 1930; Ваганова 2015; Иванец 1992; Плотникова 2019], так и на данных исследуемых региональных старообрядческих именных XIX — нач. XX в. [Боровик 2019; Кузнецова 2006б; Муратова 1994; Назаров 2009]. Краткое обличительное описание обряда крещения и имянаречения у пермских старообрядцев дано в «отчете» о стоянии пермского «раскола» авторства православного архимандрита XIX в. Палладия [Пьянков 1863: 155–157]. Пермская старообрядческая традиция имянаречения представлена нами в работах об именах жителей заводских поселений Пермского, Оханского и Осинского уездов Пермской губернии XIX — нач. XX в. [Запольских 2020а, б]. Северные территории Пермской губернии в этом плане лингвистически не описывались: имеются лишь этнографические очерки севернорусского крестьянства XVII–XX вв., содержащие сведения о традициях крещения и выбора имени по святым у старообрядцев разных согласий севера Пермского края [На путях... 1989: 269–271]. Наше исследование обращено к старообрядческому именнику, извлеченному из метрических книг Чердынского и Соликамского уездов (севернее г. Усолье) [ГАПК, КПОГА].

Пермский север XIX — начала XX в. — это непроходимые дремучие леса, по которым разбросаны деревни и села Чердынского и северной части Соликамского уездов, разделенные между собой большими расстояниями. «Сидеть по лесам», в глуши могло, прежде всего, только местное население, проживавшее там с незапамятных времен, еще до прихода русских, в частности коми-пермяки. Кроме них там «сидели» те, для кого уединенность и удаленность от городов была не только желательна, но и просто необходима, — старообрядцы. Последователи гонимой веры, называемые властями «раскольниками», переселялись в здешние леса как в убежище с давних времен в стремлении сохранить старую веру и скрыться от преследований церковного и гражданского начальства. Уже в конце XVII в. в Чердынском уезде появились старообрядцы из «внутренней России» и беглые попы с Иргиза, они осели на реках Юм и Обва и «вскоре нашли сочувствие между туземцами, и некоторых из них успели совратить в раскол», как о том с сожалением сообщает архимандрит Палладий [Пьянков 1863: 39]. Впоследствии, в XIX в., на Юме развивается Подкинская община (Коми-Пермяцкий округ) — юмский центр старообрядчества австрийского толка [Голева 2019: 49], что подтверждается и нашим материалом церковных метрик (указанием исключительно на австрийское вероисповедание). Также к «давним временам» тот же архимандрит относит существование «раскола» среди коми-пермяков Гайнской волости (Коми-Пермяцкий округ) [Пьянков 1863: 40], где в метриках за исследуемый период у старообрядцев в абсолютном большинстве (87 %) указано беспоповское вероисповедание (+ 10 % австрийцев). Оно же доминирует (90 %) и в записях метрик по Бондюжской волости (+ 8 % часовенных), где старая вера была распространена в деревнях уже с русским населением. К началу XVIII в. относится появление старообрядческих скитов и пустынножителей на самом глухом севере Пермского края — на реках Печоре, Колве и Унье,

где впоследствии старая вера закрепились в разросшихся там первых русских поселениях в районе с. Тулпан [Пушвинцев 1928: 17]. Как у «наследников» скитских порядков, у старообрядцев в метриках по Тулпанской волости в графе «вероисповедание» нередко значится «поморцы-федосеевцы» (чьи традиции известны особой строгостью), либо просто — «поморцы», «поморцы-беспоповцы». Поморцами-беспоповцами записаны и русские старообрядцы соседней Корепинской волости. В целом поморское беспоповское согласие господствует в записях метрик Пермского севера (до 80 %), поскольку этот регион исторически был тесно связан с севернорусским Поморьем [На путях... 1989: 4–7, 15–16], а духовные связи, в частности, тулпанских и корепинских поморцев простирались далеко на север, через Великопоженский скит до самой Выгореции [Чагин 1998: 258–259] — главного общерусского центра поморского согласия.

Данные метрических книг показывают наибольшее число имен (нареченных) старообрядцев Чердынского уезда по волостям: Корепинской (189), Гайнской (175), Тулпанской (153), Верх-Язвинской (128), Бондюжской (123), Юмской (54). В нашу выборку вошли также старообрядческие имена из метрик по Пянтежской, Юрлинской, Вильгортской, Усть-Зулинской волостям (Черд. у.), Городищенской и Пыскорской волостям (Солик. у.) и др. Всего выборка составила 1028 имен севернопермских старообрядцев, происходивших из государственных крестьян, рожденных в период с 1829 по 1920 г.

Старообрядцы считали запись имени в метрике ересью, убежденность в чем уходила своими корнями в порицание народных переписей в Библии [Смирнов 1895: 5]. «В книги ваши законопреступныя гражданския... не пишемся; ибо мы от крещения записаны есьмы в книги животныя у царя небеснаго» — так об этом говорили ревнители старой веры, жившие еще при Петре I [Щаповъ 1859: 483]. Они не крестили детей в церкви, поэтому записи о рождении в церковных метриках практически отсутствуют. Тем не менее, в выявлении именика нам помогли свидетельства былой энергичной деятельности официальной церкви, борющейся с распространением «раскола». Места для православных миссионеров здесь были труднодоступными, но не недостижимыми, поэтому снаряженная Священным Синодом специальная православная Пермская миссия с 1828 г. регулярно отправляла сюда своих миссионеров, чтобы те обращали «заблудших раскольников» на «путь истины» [Пьянков 1863: 55–58, 79–81]. Для усиления православного «напора» росло число церквей, проводивших обряд т. наз. «присоединения из раскола» к православию/единоверию. Метрические записи о проведении «присоединений» и стали маркером для выявления старообрядческих имен из массы имен православных (присоединенные записывались в главу «О родившихся» наряду с православными, но «задним числом» из-за взрослого возраста): «присоединял через Св. Миропомазание», «присоединен(а)... с сохранением прежнего имени» и т. п. Ключевое здесь — прежнее имя, что указывает на получение его старообрядцем вне стен церкви, еще до «присоединения». Деталей этому добавляют т. наз. «подписки» присоединенных об отречении от «раскола», подшитые к метрикам, и нестандартные записи об их личных данных: «быв со дня рождения воспитана и крещена в австрийской секте» (Юм. вол., Черд. у.); «крещенная в расколе австрийской секты» (Кочев. вол., Черд. у.); «крещенный в расколе» (Гайн. вол., Черд. у.) (ГАПК). «Крещение в расколе» означало крещение по ста-

рообрядческому обряду (чаще всего это было домашнее троекратное погружение в воду). У старообрядцев самых северных Тулпанской и Корепинской волостей его проводила повивальная бабка, принимавшая роды (отсюда пометки «погружен(а) бабкой»), после чего она надевала на ребенка крестик и давала имя [На путях... 1989: 270]. Такой внецерковный обряд в отсутствие освященного мира исключал миропомазание, которое затем при «присоединении» и проводили православные священники, «довершая крещение» [На путях... 1989: 268, 270; Пьянков 1863: 157]: «крещение довершено священником»; «крещена по обряду раскольническому, а таинства: св. миропомазания и причащения... получила ныне от Законного Священника» (ГАПК). Также повивальная бабка могла дать имя и без крещения-погружения, что считалось только «оглашением», поскольку в некоторых беспоповских согласиях крещение, как единственное средство очищения от грехов, принимали не в младенчестве, а в старости или даже перед самой смертью, получая при этом новое имя [На путях... 1989: 268–269; Пьянков 1863: 119, 155]. В таких случаях церковь не довершала крещение, а совершала его впервые: «присоединен из раскола Поморской секты... через Таинство Крещения» (Тулп. вол., Черд. у.) [ГАПК].

В отсутствие священства тулпанские и корепинские старообрядцы доверяли погружение с имянаречением «бабке», поскольку, по учению поморцев-беспоповцев, крещение мог совершать простой мирянин, как завещал еще протопоп Аввакум [Смирнов 1895: 95]. В то же время в случае нездоровья новорожденного православные иногда также прибегали к домашнему погружению «бабкой» («погружен(а) бабкой по слабости») с последующим миропомазанием в церкви (ГАПК). У часовенных Вильгортской и Бондюжской волостей Чердынского уезда этим занимался старообрядческий наставник: «погружена наставником... присоединена... с сохранением прежнего имени» (Вильг. вол., Черд. у.); «погружена была раскольническим наставником» (Бонд. вол., Черд. у.) (ГАПК).

Кроме метрик православных и единоверческих церквей нами использовался наиболее ценный и редкий источник — метрические книги старообрядческих молелен, самостоятельное ведение которых наставниками старообрядческих общин официально стало возможно только в начале XX в. Нам удалось выявить две книги о родившихся у старообрядцев Голяшевской общины Городищенской волости (Солик. у.) за 1915 г. [ГАПК Ф.719. Оп.10. Д.2192] и Антипинской общины Верх-Язвинской волости (Черд. у.) за 1917 — 1919 гг. [ГАПК Ф.719. Оп.11. Д.266], в среде которых практическая польза от ведения метрик, очевидно, перевесила старые убеждения об их еретичности. Из этих книг в нашу выборку вошли все имена новорожденных старообрядцев: Антипинской общины — 110 имен, Голяшевской — 23 (имена родителей не учитывались, поскольку нельзя исключать случаев смешанных браков, когда изначально православный жених или невеста при вступлении в брак переходили в «раскол» и т. п.).

Антипинская община верх-язвинских старообрядцев (д. Антипина, Паршакова, Аксенова, Семина, Заполье, Сысоева, Талавол и др., Красновишерский р-н) выросла из «уклонившихся в раскол» местных коренных пермяков (коми-язвинцев), которых еще в конце XVIII в. своим «даром слова» «успел обольстить» нижнетагильский беглый поп, основавший свой скит неподалеку от с. Верх-Язьва [Пьянков 1863: 39–40]. В XIX в. размножившиеся верх-язвинские

скиты, снискав покровительство земского начальства, стали сильнейшим оплотом «раскола» на севере Пермской губернии, объединявшим старообрядцев Чердынского и Соликамского уездов [Там же: 40, 54]. Их духовным центром стал крупный монастырь в д. Пудьва («Пудьвинская лавра»), как ее почтительно именует краевед Г. Н. Чагин [1997: 169–171]). Монахини Пудьвы обучали детей близлежащих деревень грамоте и традициям старой веры, в частности как «правильно выбирать имя новорожденному» [Там же: 170]. «Правильно» означало по старообрядческому месяцеслову (т. е. из старообрядческих святцев по календарному принципу). Почти все новорожденные (85 %) Антипинской общины были наречены по именинам дня рождения (т. е. именем святого, который почитается в день рождения), что говорит о чрезвычайной строгости следования традиции, завещанной Пудьвой.

Русские старообрядцы *Голяшевской общины* Городищенской волости (д. Костарева, Гнилая, Силкина, Малкова, Голяшева, с. Осокино и др. — Соликамский р-н), несмотря на близость верх-язвинской традиции, наречения по именинам дня рождения не применяли, все новорожденные здесь были названы по именинам в день крещения, которое в большинстве случаев (52 %) совершалось на 8-й день по рождению. Такая традиция простирается в глубокую иудео-христианскую архаику, будучи связанной с праздником Обрезания Господня, которое было совершено над Христом по иудейскому закону на 8-й день с наречением имени [Горюшкина 2017: 42–45], о чем свидетельствуют Ветхий и Новый Заветы Библии: «Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий [младенец] мужского пола» (Быт. 17:12); «По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать [Младенца], дали Ему имя Иисус» (Лк. 2:21). По причине своей древности эта традиция встречается и у других старообрядцев самой широкой географии: на Алтае [Бломквист, Гринкова 1930: 30–31], в Западном Забайкалье (у девочек) [Ваганова 2015: 331], в Витебской области Беларуси (у мальчиков) [Муратова 1994: 10–11], в Польше (у мальчиков) и в латвийской Латгалии (наречение по именинам дня рождения в Польше у девочек и в Латгалии также зафиксировано) [Иванец 1992: 263; Плотникова 2019: 53, 57]. Традиция 8-го дня отмечена и у православных Пермского севера, но у них преобладало раннее крещение (на 3-й день — «после трех бань») [На путях... 1989: 269, 271], что подтверждает статистика просмотренных метрик [ГАПК, КПОГА]. Высокий процент следования определенным календарным принципам у старообрядцев обеих общин можно объяснить их принадлежностью к *беглопоповскому согласию* и, соответственно, решающей ролью наставника в выборе имени при крещении, который ревностно сохранял традицию общины. Верх-язвинские наставники обладали непререкаемым авторитетом и уважением [Пьянков 1863: 54; Чагин 1997: 170].

У остальных севернопермских старообрядцев, чья принадлежность к общинам не установлена, выделяются обе традиции именования, но такой строгости соблюдения, как у общинных беглопоповцев, не наблюдается: по именинам дня рождения названо 20% новорожденных (в Тулп. вол. — 28%), по именинам на 8-й день — 13% (в Кореп. вол. — 28%). Если же рассматривать севернопермскую традицию в целом, включая общины, то можно заключить, что почти половина мальчиков и девочек (45 и 48%) наречена по именинам дня рождения и 11% мальчиков и девочек — по именинам на 8-й день (остальные варианты незначи-

тельны), что похоже на традицию пермских заводских старообрядцев более южных уездов, среди которых были в том числе и выходцы с Пермского севера [Запольских 2020б: 165].

Сами имена в метриках встречаются как в канонической форме, так и в народной (производной, образовавшейся в сфере живой народной речи), что характерно для синхронной антропониимии и православных Пермской губернии [ГАПК, КПОГА] и старообрядцев пермских заводов и других мест проживания [Боровик 2019: 36; Кузнецова 2006б: 12; Муратова 1994: 13–18; Назаров 2009: 83; Плотнокова 2019: 52–56]. Почти всех присоединенных (90%) православные священники записывали именами в канонической старообрядческой форме, тем более что формы имен в старообрядческих и православных святцах в большинстве случаев схожи. В случаях же расхождений они делали выбор в пользу «правильной» формы: православное *Давидъ* вместо старообрядческого *Давыдъ*, *Маріамна* вместо *Маріамія*, *Елисавета* вместо *Елизавета*, *Виссаріонъ* вместо *Висаріонъ*, *Косма* вместо *Козма*, *Савва* вместо *Саваи* т. д. Но иной раз они сбивались и записывали имена в народной форме, хотя такие случаи крайне редки (3 %).

Совершенно по-другому велись старообрядческие метрики. Имена почти всех новорожденных своей общины (83 %) голяшевский наставник записал в народной форме, а у антипинского наставника на них приходится почти треть (30 %), остальные имена в их метриках соответствуют старообрядческим святцам. Свято чтившие старину и старинные традиции старообрядцы пронесли через века обычай именовать *старыми формами имен*, многие из которых мы сегодня и называем народными. Старые формы имен — это те формы, что появились еще в ранней старославянской христианской литературе у южных славян, а затем и на Руси как славянская адаптация иноязычных христианских имен (часто одно имя передавалось сразу в нескольких вариантах — ближе к греческому византийскому оригиналу или ближе к славянской фонетике). В отношении же канонических имен нужно заметить, что в старообрядческие святцы вошли преимущественно формы имен, «восстановленные» из греческого языка вследствие второго южнославянского влияния и церковно-книжных реформ накануне раскола, после чего многие старые формы имен утратили свой официальный статус, оставшись только в народном обиходе.

О древности некоторых народных форм говорит отразившаяся в них «борьба» с зиянием гласных, когда в старославянских и древнерусских текстах появлялись написания без зияния (упрощение двойных и тройных сочетаний гласных в именах *Федоръ* и *Федосья*, где $e < eo$; в том числе и через эпентезу в имени *Иванъ*, где $iva < iova < ioa$) [SJS]. С процессом падения редуцированных гласных связана мена финали *-ья < -ша* в женских именах *Агафья*, *Анисья*, *Дарья*, *Фотинья* и пр.; и финали *-ей < -ши* в мужских именах *Антоней*, *Василей*, *Савилей* [Толкачев 1973: 258, 260]. Причем финаль *-ей* характерна для сохранивших ее севернорусских говоров. Имена *Акулина* и *Лукирья* (вместо канон. *Акилина* и *Гликерія*) хранят память о древнем варианте произношения уже исчезнувшей из алфавита «ижицы» (u/i). Наконец, в старой «дониконовской» системе ударений возникли формы *Настасія/Настася*, *Михайль* и *Марья* — еще до того, как ударение в этих именах было смещено вперед (ср. канон. *Анастасія*, *Михайль*, *Марія*) [Успенский 1969: 86, 89, 93].

Помимо финали *-ей* в мужских именах севернорусские диалектные особенности отражены в народных формах с гиперкоррекцией в виде замены *a > o*, которая может быть связана с оканьем: *Елисовѣта, Аѡнасіѣ, Маріомія* (вм. канон. *Елизавета, Аѡнасіѣ, Маріамія*), а также в виде замены *i > e*, которая в свою очередь может быть связана с еканьем: *Зеновія и Евтефіѣ* (вм. канон. *Зиновія и Евтихій*).

Примечательно единожды встретившееся в метриках Антипинской общины имя *Элеферій* (вм. канон. *Елевферій*), начинающееся на букву «э», что не было характерно для русской антропонимии вплоть до советского времени. Есть и другие любопытные народные формы имен этой общины. Имя *Феврусa* (канон. *Фервуса*) могло появиться через метатезу под влиянием названия месяца февраль (как народная этимология), хотя нельзя исключать и влияния на него другого имени — *Февронія*. В имени *Полухерья* (канон. *Пулхерія*; ср. также др. его формы — *Полуферія, Полиферія*), латинском по своему происхождению, прослеживается влияние антропонимического форманта греческого происхождения — *Полу-/Поли-*, как в именах *Полуян/Полиен, Полуект/Полиевкт, Полукарн/Поликарн* и т. д., где чередование обусловлено разным произношением «ижицы» в первой основе имени (от греч. *Πολύ-*) [SJS].

Из собранных нами 1028 имен 450 (44%) — мужские и 578 (56%) женские. В силу того, что в основном это имена присоединенных, отмеченные в православных/единоверческих метриках (87% против 13% из старообрядческих метрик), объяснить преобладание нареченных женскими именами можно самими причинами «присоединений». Часто это отражение смешанных браков, когда старообрядка выходила замуж за православного и отрекалась от «раскола», присоединяясь к православию для последующего венчания («вступая в брак с православным крестьянином... присоединяюсь...»). Ведь именно жена, согласно патриархальному укладу, следовала за мужем, а не наоборот. Вместе с тем именник показывает преобладание мужских имен над женскими (129 мужских имен, 71 женское), что обусловлено более широким набором мужских имен в святцах и традиционно более активной социальной ролью мужчины. Преобладание в именнике мужских имен характерно и для пермских заводских старообрядцев, и для старообрядцев других мест проживания [Боровик 2019: 34; Кузнецова 2006а: 139; Муратова 1994: 5; Назаров 2009: 83].

Расчет среднего коэффициента одноименности (делением числа имяносителей на количество их имен) для выделения групп частых и редких мужских/женских имен с расчетом их удельного веса (доли носителей) (см. табл. 1) показал, что у севернопермских старообрядцев среди женщин встречалось больше тезок, чем среди мужчин (концентрация частых и 10 самых частых имен в женской части именника выше, чем в мужской). Вместе с тем редкими именами мальчиков называли чаще, чем девочек, полнее используя «мужские святцы» (см. табл. 3). Объяснение тому — в строгости календарного метода: назвать мальчика точно по именинам дня рождения или 8-го дня было несложно («мужские именины» есть почти на каждый день года), чему севернопермские старообрядцы традиционно и следовали; у девочек же ограниченный набор имен в святцах вынуждал выбирать имя не «день в день», а лишь по ближайшим именинам, что увеличивало одноименность.

Таблица 1

Соотношение частых и редких имен в зависимости от пола

Зона частотности	Мужской именной			Женский именной		
	N	Нареченных, абс.	Удельный вес, %	N	Нареченных, абс.	Удельный вес, %
Частые	31	310	68,9	23	448	77,5
Самые частые	10	179	39,8	10	293	50,7
Остальные	21	131	29,1	13	155	26,8
Редкие	98	140	31,1	48	130	22,5

Противоположные данные — у пермских заводских старообрядцев (у них больше тезок среди мужчин, чем среди женщин) [Запольских 2020а: 140–141]. Заметим, что у старообрядцев Уральского казачьего войска концентрация имен в женской части именника также выше, чем в мужской [Назаров 2009: 87].

Обращает на себя внимание ситуация в д. Светлица (Бонд. вол., Черд. у.), где тезки обнаружили в рамках 1 семьи: в конце XIX в. с интервалом чуть больше года в семье беспоповцев родились 2 дочери, которых назвали Марія и Марія (старшую — по именинам Марии Египетской, младшую — Марии Магдалины). Внутрисемейная одноименность была нередким явлением в России того времени, причем зачастую тезками были не просто братья и сестры, а близнецы, что встречается среди православных Пермского севера (2 Пелагии, 2 Анны, 2 Михаила, 2 Никиты и т. д.) [ГАПК].

В десятку самых распространенных мужских имен севернопермских старообрядцев вошли имена Иванъ, Василій, Григорій, Петръ, Михайль, Феодоръ, Павелъ, Степанъ, Георгій, Семеонъ, а в десятку женских — Анна, Евдокія, Анастасія, Ксенія, Параскева, Агафія, Марія, Екатерина, Матрона, Татьяна (см. табл. 2). Похожий набор самых популярных имен был в ходу и у пермских заводских старообрядцев (8 совпадений муж. имен, 7 — жен.) [Запольских 2020а: 142]. Кроме того, почти теми же именами чаще всего называли своих сыновей старообрядцы Екатеринбургa и Уральского казачьего войска (по 7 совпадений муж. имен) [Боровик 2019: 42, Назаров 2009: 87].

Таблица 2

Частые имена мужского и женского именников

№	Мужской именной	Нареченных, абс.	Доля в именнике, %	Женский именной	Нареченных, абс.	Доля в именнике, %
1	Іоаннъ/Иванъ	54	12,0	Анна	65	11,2
2	Василій/Василей	25	5,6	Евдокія	43	7,4
3	Григорій/ Григорый	19	4,2	Анастасія/ Настасія/ Настася	26	4,5
4	Петръ	15	3,3	Ксенія/Аксинья	26	4,5
5	Михаиль/ Михайль	12	2,7	Параскева	24	4,2
6	Феодоръ/ Феодоръ/	12	2,7	Агаөія/ Агафія/	23	4,0

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ,
РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

№	Мужской именник	Наречен- ных, абс.	Доля в имен- нике, %	Женский именник	Наречен- ных, абс.	Доля в имен- нике, %
	Федорь/ Федорь			Агафья		
7	Павель	11	2,4	Марія/ Марья	23	4,0
8	Стефань/ Степань	11	2,4	Екатерина	22	3,8
9	Георгій	10	2,2	Матрона/ Матрена	22	3,8
10	Семеонь/ Сѹмеонь/ Симеонь	10	2,2	Татіана/ Татіяна/ Татьяна	19	3,3
11	Александръ	9	2,0	Александра	18	3,1
12	Андрей	9	2,0	Ирина	17	2,9
13	Іаковъ	9	2,0	Анисія/ Анисья	16	2,8
14	Иларіонь/ Ларіонь	8	1,8	Евфимія/ Евѡимія/ Ефимья	14	2,4
15	Тимофей/ Тимофѣй/ Тимѡей/ Тимофій	8	1,8	Феодосія/ Федосья	13	2,2
16	Аѡанасій/ Афанасій/ Аѡанасій	7	1,6	Акилина/ Акулина	12	2,1
17	Евѡимій/ Евфимій	7	1,6	Марфа/ Марѡа	11	1,9
18	Никифоръ	7	1,6	Пелагія/ Пелагая	11	1,9
19	Николай	7	1,6	Васса	9	1,6
20	Филиппъ	7	1,6	Наталія	9	1,6
21	Гурій	6	1,3	Харитина	9	1,6
22	Прокопій	6	1,3	Елена	8	1,4
23	Антоній/ Антоней	5	1,1	Мариомія/ Маріамна	8	1,4
24	Димитрій	5	1,1			
25	Евтихій/ Евфтихій/ Евтефій	5	1,1			
26	Іосифъ	5	1,1			
27	Кириллъ/ Кирилъ	5	1,1			
28	Алексій	4	0,9			
29	Евдокимъ	4	0,9			
30	Корнилій	4	0,9			
31	Савва	4	0,9			

Заметна некоторая степень корреляции между частотностью имен и числом их именин (чаще называли именами святых, чьих дней поминовения больше), что еще раз указывает на то, что севернопермские старообрядцы следовали определенному календарному принципу при имянаречении. То же наблюдается и у пермских заводских старообрядцев [Запольских 2020а: 142]. В то же время из этого правила были исключения: имена с крайне скромным числом именин «прорывались» в десятку самых популярных имен. К таким относятся имена *Екатерина* и *Евдокия*, частотность которых можно объяснить влиянием тенденций общерусского именника того времени [Никонов 1974: 15–16, 57]. Популярность имени св. Ксеніи (Миласской), покровительницы странников, может быть связана с развитым скитничеством и пустынночеству старообрядцев Пермского севера. А с их преимущественно скотоводческим характером занятий [Чагин 1998: 270–271] можно связать распространенность имен *Агафія* (св. Агафия Панормская в народном календаре — Агафья Коровница, покровительница коров) и *Георгій* (праздник св. Георгия Победоносца в народном календаре — Егорьев день, день первого выгона скота [Там же: 270]).

Таблица 3

Редкие имена мужского и женского именников

№	Имена	Нареченных, абс.	Доля в именнике, %
Мужской именник			
32–43	Антипа, Василискъ/Васились, Даніиль, Исидоръ/Сидоръ, Кононь, Леонтій, Максимъ, Назарій, Савинь/Саввинь, Терентій, Тихонь, Θεодотъ	3	0,7
44–61	Автономъ, Артемій, Гавріиль, Давидъ, Евстафій/Евстаоій, Елисей, Еллиферій/Элеферій, Епифаній/Епифанъ, Зосима, Каллиникъ/Калиникъ, Козма/Косма, Константинъ, Матѳеи, Митрофанъ, Наумъ, Поликарпъ, Порфирій, Родіонъ	2	0,4
62–129	Авдій, Аверкій, Агапій, Агапитъ, Агафонъ, Акиндиъ, Аммосъ, Анфиногенъ, Вавила, Виссаріонъ, Владимиръ, Галактионъ, Герасимъ, Гордій, Дометій/Дементій, Евлампій, Евсевій, Елупа, Емилианъ, Ермиль, Ефремъ, Зотикъ, Игнатій, Илія, Ириней, Исакъ, Іеремія, Іона, Калистратъ, Кипріанъ, Киръ, Кондратій, Леонидъ, Макарій, Мануиль, Маркъ, Маркель, Мартиніанъ, Меодій, Мина, Миронъ/Мѵронъ, Неофитъ, Никита, Онисимъ, Паисій, Парѳеній, Платонъ, Потапій, Саватій, Савилей, Серапіонъ, Сергій, Силвестръ, Сисой, Софроній, Спиридонъ, Тарасій, Трифонъ, Увиналій, Фалалей, Феопепт, Θεофанъ, Филимонъ, Флоръ, Фома, Фотій/Фотій, Харитонъ, Харлампій	1	0,2
Женский именник			
24–26	Василисса/Василиса, Евфросинія/Ефросинія, Клавдія	7	1,2
27–29	Агрипина/Агриппина, Дарія/Дарья, Стефанида, Фо-	6	1,0

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ,
РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

	тинія/Фотина/Өотина/Фотинья		
30–33	Варвара, Гликерія/Лукирья, Ёуліанія/Ульяна	5	0,9
34–37	Вѣра/Вера, Зиновія/Зиновья/Зеновія, Мавра, Февронія/Өевронія	4	0,7
38–40	Домника, Надежда, Ольга	3	0,5
41–54	Агнія, Антонина/Антонида, Аѳанасія, Домна, Евгения, Евпраксія, Елисавета/Елисовѣта, Ёулитта, Лукія, Меланія, Соломонія, Өекла, Өеоктиста/Феоктиста, Хіонія	2	0,3
55–71	Агапія, Валентина, Енафа, Ёустинія, Капитолина, Лидія, Любовь, Марина, Нина, Олимпіада, Павла, Полухерья, Сераѳима, Софія, Таисія, Февруса, Христина	1	0,2

В заключение скажем, что исследование севернопермского старообрядческого именника помогло установить, что у старообрядцев Пермского севера была своя особая традиция имянаречения: детей крестили по старообрядческому обряду, выбирая имя из старообрядческих святцев, последовательно придерживаясь календарного принципа (по именинам дня рождения, 8-го дня). Часто старообрядцы записывали имена в официальные метрики в старой, еще «дораскольной» форме.

Список сокращений

Бонд./Вильг./Гайн./Кореп./Кочев./Тулп./Юм. вол. — Бондюжская/Вильгортская/ Гайнская/Корепинская/Кочевская/Тулпанская/Юмская волость;
Солик./Черд. у. — Соликамский/Чердынский уезд.

Источники

ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. 37. Ф.719.
КПОГА — Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. 19–22.
СМК — Старообрядческий мѣсяцесловъ-календарь. Уральск: Изд. Уральской старообр. тип., 1910. С. 19–21.
SJS — Словарь старославянского языка (репринт: [Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / hl. red. J. Kurz. Praha, 1958–1997. Т. 1–4]). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 1042 с.

Литература

1. Бломквист Е. М., Гринкова Н. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы: мат-лы комиссии экспедиц. исслед-ий. Вып. 17. СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. С 1–48.
2. Боровик Ю. В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в. // Вопросы ономастики. Т. 16. 2019. № 3. С. 30–47.
3. Ваганова Е. В. Нематериальное наследие региона: церковно-обрядовые традиции старообрядцев Западного Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 329–337.
4. Голева Т. Г. Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 46–60.
5. Горюшкина Л. П. Историографические заметки к календарной стороне вопроса о крещении и имянаречении в средневековой Руси // Вестник ПСТГУ. Сер. 2 «История. История Русской православной церкви». 2017. № 77. С. 41–56.

6. Запольских Е. В. Особенности именника старообрядцев заводских поселений Пермской губернии XIX — начала XX в. // Социо- и психолингвистические исследования. 2020а. Вып. 8. С. 138–145.
7. Запольских Е. В. Старообрядческие имена жителей заводских поселений Пермской губернии XIX — нач. XX в.: Традиция имянаречения // Филология в XXI веке. 2020б. № 2 (6). С. 161–166.
8. Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 262–269.
9. Кузнецова Я. Л. Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XIX в. // Вестник ТюмГУ. 2006а. № 7. С. 138–141.
10. Кузнецова Я. Л. Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, прагматика (на материалах Первой всероссийской переписи 1897 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006б. 18 с.
11. Муратова Е. Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 21 с.
12. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1989. 352 с.
13. Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.
14. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1974. 278 с.
15. Плотникова А. А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 48–60.
16. Пьянков П. Е. Обзоръние Пермскаго Раскола: такъ называемаго «Старообрядства» / сост. А. П. СПб.: Тип. дух. журн. «Странникъ», 1863. 272 с.
17. Пушвинцев И. С. Пустынничество // Чердынский край: Издание общества изучения Чердынского края и музея. Вып. 3. Соликамск: Тип. окрисполкома, 1928. С. 17–20.
18. Смирновъ П. С. Исторія русскаго раскола старообрядства. СПб.: Тип. Глав. упр. удѣловъ, 1895. 314 с.
19. Толкачев А. И. Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов (Варшава, 1973). М.: Наука, 1973. С. 252–271.
20. Успенский Б. А. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 80–103.
21. Чагин Г. Н. Пудвинская лавра // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 168–173.
22. Чагин Г. Н. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 258–272.
23. Щаповъ А. Русскій расколъ старообрядства. Казань: Изд. книгопродавца И. Дубровина, 1859. 548 с.